

Мариэтта ЧУДАКОВА

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РУКОПИСИ

Михаил Булгаков в Москве 1991—92 гг.

Семьдесят лет назад, осенью 1921 года, Булгаков «приехал без денег, без вещей в Москву, чтобы остаться в ней навсегда».

Судьба подтвердила сказанное им в автобиографии 1924 года буквально — он НАВСЕГДА остался в этом городе.

В конце 60-х с нелепой гордостью писали первые его интерпретаторы, отвечая зарубежным навetchкам: «Булгаков умер в 1940 году, похоронен на Новодевичьем кладбище» [в Москве, мол, умер, «своей смертью»].

Несколько раз, в 1928—1930 годах, он делал попытки покинуть этот город и страну. Отказавшись неожиданно в телефонном разговоре со Сталиным от высказанной в письме правительству СССР просьбы об отъезде, вновь подавал заявления о поездке за границу. Не нам судить и рьянить, надеялся ли там и остаться — или удовлетворялся бы исполнением страстного, окрашивающего всю его жизнь желания УВИДЕТЬ МИР. Убеждаясь, что вырваться вряд ли удастся, повторял жене: «Я слеп... меня искусственно ослепили». На его творчество 30-х годов все гуще ложилась тень этой отъединенности от жизни мира, печать острожного существования в «одной, отдельно взятой стране».

Уже оживленно жестикулирующая и смеющаяся дама. Протрела мимо и исчезла. Значит, иностранная делегация ушла. — Можете, я могу быть вам полезным? — предложил седоватый брюнет. — Я заместитель главного редактора. Тут я достал из портфеля листки с самодельной запиской, отдал, а сам пошел на лестницу покурить. Вернулся, а записка моя все читалась. И читалась, надо сказать, очень внимательно. Зап. главного закончил чтение, астал, а мне предложил сесть в кресло. Сказано было, что этот материал, я должен это понимать, именно для «Нового мира», где в редколлегии академик Лихачев, также Чудакова, крупнейший специалист по творчеству Булгакова, отделом литературной критики заведует Роднянская. Тут я совсем не к месту сказал, что у Роднянской нелюбовой литературный вкус, а зачем сказал, не пойму... Разговор принял в общем весьма благожелательный тон, даже не верилось. Мне был дан редакционный телефонный номер. Назначена была встреча в редакции, он «имел удовольствие познакомиться с Л. из Библиотеки, который идентифицировал почерк Булгакова, и серьезным, доброжелательным сотрудником редакции Алексеем Викторовичем, принявшим на себя труд по подготовке публикации».

«Окончательные подготовленные материалы следовало сдать в редакцию «Слова» в понедельник 19 августа 1991 года. Перед сном с утра пошел в Библиотеку, дабы уточнить цвет уланского мундира, а любой путь из точки А в точку Б у нашего брата обязательно проходит через бумажнический магазин. Шарю по полкам с книгами, потому чувствую на себе чей-то взгляд. Оказалось, это Розановед за мной наблюдал. — Ты что, не знаешь? — спрашивает. — А чего я должен знать? — Переворот, — говорит Розановед. — Правый переворот произошел. На-...

«Да нет же, какой еще отдел критики... — Так, может, я принесу и отдам вам? — Меня не будет в редакции! — Да я уж как-нибудь постараюсь вас там застать. — Нет, вы меня в редакции не застанете, у меня... скользящий график. Принесите все и отдайте Саше. — Саша — это литсотрудник? — Да нет же. — Тогда Саша — это ответственный секретарь? — Нет же, просто Саша. Отдайте все просто Саше из «Ново-3 мира». — И Собиратель не захотелось сдавать Булгакова «в установленном порядке».

Он обратился еще в один толстый журнал, но там ответили, что в этом году они уже напечатали неопубликованного Булгакова, приговоренного для них известным специалистом. Тогда Собиратель позвонил в журнал «Слово», где секретарь сразу соединила его с Арсением Васильевичем, и дальше было ясно: «спойкой и почитно». Назначена была встреча в редакции, он «имел удовольствие познакомиться с Л. из Библиотеки, который идентифицировал почерк Булгакова, и серьезным, доброжелательным сотрудником редакции Алексеем Викторовичем, принявшим на себя труд по подготовке публикации».

«Окончательные подготовленные материалы следовало сдать в редакцию «Слова» в понедельник 19 августа 1991 года. Перед сном с утра пошел в Библиотеку, дабы уточнить цвет уланского мундира, а любой путь из точки А в точку Б у нашего брата обязательно проходит через бумажнический магазин. Шарю по полкам с книгами, потому чувствую на себе чей-то взгляд. Оказалось, это Розановед за мной наблюдал. — Ты что, не знаешь? — спрашивает. — А чего я должен знать? — Переворот, — говорит Розановед. — Правый переворот произошел. На-...

«Да нет же, какой еще отдел критики... — Так, может, я принесу и отдам вам? — Меня не будет в редакции! — Да я уж как-нибудь постараюсь вас там застать. — Нет, вы меня в редакции не застанете, у меня... скользящий график. Принесите все и отдайте Саше. — Саша — это литсотрудник? — Да нет же. — Тогда Саша — это ответственный секретарь? — Нет же, просто Саша. Отдайте все просто Саше из «Ново-3 мира». — И Собиратель не захотелось сдавать Булгакова «в установленном порядке».

Он обратился еще в один толстый журнал, но там ответили, что в этом году они уже напечатали неопубликованного Булгакова, приговоренного для них известным специалистом. Тогда Собиратель позвонил в журнал «Слово», где секретарь сразу соединила его с Арсением Васильевичем, и дальше было ясно: «спойкой и почитно». Назначена была встреча в редакции, он «имел удовольствие познакомиться с Л. из Библиотеки, который идентифицировал почерк Булгакова, и серьезным, доброжелательным сотрудником редакции Алексеем Викторовичем, принявшим на себя труд по подготовке публикации».

«Окончательные подготовленные материалы следовало сдать в редакцию «Слова» в понедельник 19 августа 1991 года. Перед сном с утра пошел в Библиотеку, дабы уточнить цвет уланского мундира, а любой путь из точки А в точку Б у нашего брата обязательно проходит через бумажнический магазин. Шарю по полкам с книгами, потому чувствую на себе чей-то взгляд. Оказалось, это Розановед за мной наблюдал. — Ты что, не знаешь? — спрашивает. — А чего я должен знать? — Переворот, — говорит Розановед. — Правый переворот произошел. На-...

«Да нет же, какой еще отдел критики... — Так, может, я принесу и отдам вам? — Меня не будет в редакции! — Да я уж как-нибудь постараюсь вас там застать. — Нет, вы меня в редакции не застанете, у меня... скользящий график. Принесите все и отдайте Саше. — Саша — это литсотрудник? — Да нет же. — Тогда Саша — это ответственный секретарь? — Нет же, просто Саша. Отдайте все просто Саше из «Ново-3 мира». — И Собиратель не захотелось сдавать Булгакова «в установленном порядке».

Он обратился еще в один толстый журнал, но там ответили, что в этом году они уже напечатали неопубликованного Булгакова, приговоренного для них известным специалистом. Тогда Собиратель позвонил в журнал «Слово», где секретарь сразу соединила его с Арсением Васильевичем, и дальше было ясно: «спойкой и почитно». Назначена была встреча в редакции, он «имел удовольствие познакомиться с Л. из Библиотеки, который идентифицировал почерк Булгакова, и серьезным, доброжелательным сотрудником редакции Алексеем Викторовичем, принявшим на себя труд по подготовке публикации».

крылся теперь мой Василий Васильевич. И не только Розанов, а целая куча всякого народа накрылась, думаю по себе. И все синоги с русопятами, а то уж больно локо устроились — один ругает других и денежки за это получают. Ругают или попарно — это вроде по-европейски, или — стенкой по стенку, а это уже вредно по-нашему. Бог с ними со всеми, но обидно, что много хорошего народу тоже пострадало.

Тут меня пронзила мысль, что несладко что-то гладко пошло с публикацией, не иначе... — Это все Корьев с Бегемотом, — говорю. — Не иначе как решили вместо того, чтобы гоняться за каждым в отдельности, накрыть всех разом.

Погода была хорошая, дождик пошел позже, кругом все споконно, только внутри что-то подсыхало. Розанов выслушал меня, посмотрел как на ненормального и ушел, забыв попрощаться. Кстати, поздоровайтесь перед этим тоже забыл.

Возле самой Библиотеки встретил Л., окруженного стайкой молодых ребят. Во актинутых на меня глазах сразу читаю — а что рукопись, когда будет передана в Библиотеку? — Скоро, — говорю, — совсем скоро принесу.

— Мы заплатим вам за нее деньги, — сказал Л. — Я состою в экспертной комиссии и прослежу, чтобы вам заплатили как следует. Что же касается публикации, то я скажу, чтобы рукопись Булгакова напечатали в «Слове» как можно быстрее и на самом видном месте.

Вот этих-то слов ему говорить не следовало, поскольку у меня в мозгу тут же зажглась красная лампочка. И решил про себя, что отдам рукопись только тогда, когда буду держать в руках номер журнала с напечатанными страничками «Белой гвардии».

Л. был бодр, весел и оживлен. Впрочем, когда я видел его в журнале, он тоже был бодр, весел и готов к действиям.

Утром следующего дня повез все свои материалы в редакцию. А еще на следующий день перезорвал и полюбил.

В редакции «Слова» посмотрели текст Булгакова, примечания и «Заметки».

Сказали, что все хорошо и пойдет, но сказали с какой-то недосказанностью или неуверенностью, что ли. Потом сняли примечания из-за отсутствия места в журнале, а саму публикацию наметили на декабрь.

Потом перенесли на январь, затем на февраль.

«Определенно это Л. старается, пообещал изо всех сил, чтобы Булгакова напечатали поскорее и на самом видном месте. И вернули мне мои «Заметки Собирателя», которые были написаны по моему прощанию. Бог с ними, лишь бы Булгакова напечатали.

А в «нашей» самой уважаемой газете «Слово» вскоре объяснили Собирателю, что о творчестве Булгакова должен писать специалист, такой, к примеру, как сотрудник отдела рукописей Библиотеки Л., который к тому же тонкий интеллигент.

Потом заинтересовались, почему это я тяну с передачей рукописи? Булгаков в рукописный отдел? Кстати, там хорошо заплатят.

После того как Собиратель «отказался немедленно передать рукопись интеллигентному специалисту, была предпринята заключительная атака. Мне объяснили, что рукопись, находящаяся в настоящее время у меня, была издана из архива редакции газеты «Правда», где она это время (с тридцатых годов) и хранилась. Кража эта будто бы произошла в декабре 91-го года. Пришлось их разочаровать: вырезки вовсе не из газеты «Правда» (молодые партии, не поступаясь принципами, уже грабят архив любимой газеты!), а рукопись у меня находится с марта прошлого года.

«Насколько помню по газетам еще застоявшихся лет, в отделе Библиотеки, где ухитрились рукописи Булгакова, случилась какая-то несправность с трубами. Тогда по этим трубам то ли что-то втекло в отдел, то ли вытекло, как говорят, усекло аж в Америку. Начальнику сняли с работы и, жуткое дело, исключили из партии. Тогда-то, по моему разумению, и пришел туда Л. как специалист по трубам то ли из ЖЭК, то ли из РЖУ.

Но лично: Л. вышпеивденные рассуждения не относятся в полной мере, потому что при нем трубопроводы газет работали как часовая механика: заглушки все на месте и не текли, на выходе вентили притерты и закрыты наглухо. Но нашим людям разве угодишь — если раньше жаловались в газетах на протечки, то теперь жалуются, что трубы закрыты.

Так вот, если брать мой случай, то у Л. это самое жэкское нутро и выглаго. Понять его можно и нужно: как же так! — это рукопись Булгакова, а ни одной трубы, не говоря уже о заглушках и вентилях, нету. Получается, что Л. вроде бы специалист и рядом, но не при деле из-за отсутствия труб и запорных клапанов. По-жэковски надо было бы меня, этого владельца булгаковской рукописи, вывести на чистую воду, отобрать рукопись немедленно, и вот тогда это было бы по-нашему и чертовски правильно...»

После слов Николаи о коте и ките в булгаковской машинописи — та часть романа, которая известна была до сих пор под авторским названием «В ночь на 3-е число» (Из романа «Алый мак»). Она опубликована 10 декабря 1922 года в «Литературном приложении к газете «Накануне». В 1924 году эта же глава напечатана еще раз — под названием «Конец Петлюры» («Шквал», № 5). Но имена героев и родственные отношения изменены. Это уже не доктор Бакалевский и его жена Варвара Афанасьевна, а доктор Алексей Турбин, его сестра Елена, их младший брат Николай. Теперь мы видим, что этот фрагмент был частью рукописи романа, предложенной в 1924—1925 гг. в журнал «Россия».

Быть может, наибольший интерес представляет та часть рукописи, которая следует за этим фрагментом (кончающимся так: «И распространился запах эфира. Николаи дрожалими руками начал отсчитывать капли в рюмку»). Сегодня мы читаем ее впервые.

«В половине четвертого жизнь семьи кольцом свилась опять у той же жаркой площади Саардьяского полтика. Натопили с вечера, но и до сих пор все еще держала тепло. Подустертые обреченные надписи по-прежнему глядели с блестящей поверхности и кремовые шторы были задернуты».

В доме Турбиных играют в карты за зеленым лобберым столом — в ночь, когда город занимают большевики. Доктор Турбин спит после пережитого за сутки.

«Была какая-то свежая ночь. Понимаете, ночь, а видно, как днем. И в то же время темно. И вот крадется, крадется Алексей по ступенькам этого лучшего в мире садика и этому блестящему. Крадется за неизвестным человеком; у человека прекрасный соборный воротник, дорогое пальто, ноги в гетрах. И мелькнет странно временами бок лица. Будто на нем черные бани. Черные бани у неважного Онегина. Крадется Турбин, полный злости, подозрения и отваги, и верный браунинг у него в кармане».

Во сне разворачивается любовная сцена между Юлией и его соперником. Турбин пробует выстрелить, но «браунинг» изменит Турбину: жмет он гашетку, а она сгибается, как доска свеча в руках... Соперник же «становится грязным и оп'сальм. Опасен этот, окаянный баками Онегин и чувствую за ним грозная поддержка. Ни звука не произносит коварный Онегин, но Турбин уже чувствует, что пришла чрезвычайная комиссия по его Турбинскую душу. Озирается Турбин как волк — что же он делать будет, если браунинг не стреляет? Голоса смутные в передней — идут. Идут Чекисты идут! И начинает Турбин отступать и чувствует, что подлый страх заползает к нему в душу. Что ж!.. Странная ревность, странная неразделенная любовь и ненависть, но Чека страшнее всего на свете».

Так резкими штрихами прочерчивает мужественный автор то, что несколько лет спустя в редакции 1929 года им уже вынужденно затухивалось.

В АВТОБИОГРАФИИ Булгаков написал о «Белой гвардии»: «Роман этот я люблю больше всех других моих вещей».

Осенью 1925 года выписались, что роман не только не выйдет отдельным изданием, но даже не будет депечатан — опубликованный его журнал «Россия» закрылся. Он возродился в начале 1926 года под первоначальным своим названием «Новая Россия».

Булгаков вновь объявлен среди его авторов, но в мае 1926 года редактор журнала Исая Лежнев был арестован и выслан за границу.

Еще раньше он отказался вернуть автору неопубликованный конец романа. Несколько лет спустя Булгаков издал роман в Париже — двумя томами. Однако конец в издании 1929 года был уже иным, чем в 1925 году. В архиве же писателя сохранились грани не вышедшей в «России» трети, но последняя глава в них оборвана.

Вот на чем обрывается роман в уцелевших гранках («Новый мир», № 2, 1987):

«В сумерки знаменитого этого дня 2 февраля 1919 года, когда обед, скромный к черту, отошел в полном беспорядке, а Михайленка чужд Аикту с таинственной запиской Турбина в лебедушку (записка была добыта после странной ругани с Турбиным в белом кабинетике Елены), а Николаи, сообразивший, в чем дело, утесал убитого Ларисонка, в спальне у себя, Елена в сумерках у притолоки сказала Шервинскому, который играл свою обычную гамму на кистях ее рук:

— Какие вы все прохвосты... — Ничего подобного, — ответил шестом Демон, нимало не смущаясь, и, пригласив Елену, предвзято воровски оглянувшись, поцеловал ее в губы (в первый раз в жизни, надо сказать правду).

— Больше не появляйтесь в доме, — неубедительно шепнула Елена. — Я не могу без вас жить, — зашептал Демон, и неизвестно, что бы он еще напечатал, если бы не брызнул в передней звонок».

До прошлого года конца «Белой гвардии» (в редакции 1924—25 гг.) мы так и не знали.

История его находки и особенно вся последующая история предстает, на мой взгляд, как непреднамеренный диагноз нынешнего состояния того города, который так и не стал Булгакову родным.

КАК ЖЕ встретила Москва Булгакова, повзвизгавшего в ней в 1991 году?

Здесь нужно предостеречь слово тому, кто первым с ним встретился на улицах столицы возрождающейся России. Судьба вывела на круг жизни Булгакова инженера Игоря ВЛАДИМИРОВА.

Детство и юность он провел в Риге: получив возможность «самостоятельно покупать книги», однажды принес домой «объемистый том в глухом черном переплете, это были все три книги Михаила Булгакова, изданные в довоенное время в Риге». Постепенно стал он книжником — особая, вторая профессия многих и многих в России.

Обратился к его повествованию «Публикация, или Заметки собирателя».

«Настоящие книжники рано или поздно приходят к собиранию незаряженных брошюр, отдельных оттисков, листовок и других, так называемых «летучих» изданий. Именно эти предметы книжки собирательства представляют собой наиболее редкие, так как сохраняются значительно хуже многих книг вследствие своей значительной дешевизны и незаряженности». Собирательство такого рода старых печатных изданий и есть высший разряд библиофиловства. От брошюр рукой подать до старых газет и тонких журналов, всякого рода проспектов, даже клочков бумаги с печатным или рукописным текстом...

Такая вот нацеленность, или, если пожелаете, чудачество, подвигнула меня просмотреть папку со старыми революционными и советскими газетами в бумажнической лавке, которые теперь торгуют, чем угодно, даже книжками. Вместе с газетами в папке находилось большое количество газетных вырезок, подписанных одной и той же фамилией. Часть вырезок была наклеена на большие листы писчей бумаги, некоторые листы для удобства размещения вырезок были разрезаны пополам. Вырезки были приклеены к своей основе мертвыми. На обороте этих листов обнаружилось сильно выцветший под воздействием клея машинописный текст. И первое же разобранное с трудом имя оказалось радостно знакомым — Николаи».

Машинопись, попавшая в руки Собирателя, несомненно, подлинная. Это второй или третий экземпляр с авторской правкой (через лиловую копирку). Начинается она именно с последней известной до сих пор странице романа «Белая гвардия» в редакции 1924—1925 гг. В середине страницы — та самая фраза о брызнувшем в передней звонке...

Спустя 67 лет мы можем, наконец, узнать, что именно звонил Турбинным и что происходило в их доме дальше.

«Двое вооруженных в сером толлись в передней, не спуская глаз с доктора Турбина. Николаи в крайней степени расстройстве метался возле него и все-таки успел не только написать ему: «При первой возможности нести бегу. Бегу сейчас? А? — Нелзя. Елену возмуть, — одним губами, — лучше с дороги... — Так я сам приеду, — мрачно говорил Турбин».

— Ни, — хлопцы качали головами, — приказано вас узать под конвой. — Где ж этот полк? — Сейчас из Города выступает в Слободку, — пояснил один из хлопцев.

— Кто командует? — Подполковик Машенко. Турбин еще раз перечесть подпись — Начальник Санитарного управления лекарь Курницкий». — Вот тебе и кит и кот, — возмущенно и вслух сказал Николаи».

(Напомним — в первой части романа доктор Алексей Турбин, разраженный Скоропадским, который ввел исключительное употребление украинского языка в Киеве, при том что сам на нем говорить не мог, едко переказывал свой диалог с коллегой: «Я позавчера спрашиваю эту каналью, доктора Курницкого, он, извольте ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года (для Турбина это — подыгрывание революции, вопрос не только и не столько национальный, сколько политический. — М. Ч.). Был Курницкий, а стал Курницкий... Так вот спрашиваю: как по-украински «кот»? Он отвечает: «Кит». Спрашиваю: «А как кит?» А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется...)

Свозовая пагинация машинописи кончается на этой странице. Перед нами — фрагмент одного из экземпляров той машинописи, которая послужила наборной для журнала «Россия».

При сопоставлении с объемом текста, напечатанного в «России», а также набранного, но не отпечатанного, получается расхождение на несколько десятков страниц — свидетельство сокращения, делавшихся в процессе журнальной публикации.

После этого начинается новая пагинация (хотя текст печатался на той же машинке) — работа над концом романа. Автору она давалась тяжело: Лежнев несколько раз торопил его письмами.

— Кто командует? — Подполковик Машенко. Турбин еще раз перечесть подпись — Начальник Санитарного управления лекарь Курницкий».

— Вот тебе и кит и кот, — возмущенно и вслух сказал Николаи».

(Напомним — в первой части романа доктор Алексей Турбин, разраженный Скоропадским, который ввел исключительное употребление украинского языка в Киеве, при том что сам на нем говорить не мог, едко переказывал свой диалог с коллегой: «Я позавчера спрашиваю эту каналью, доктора Курницкого, он, извольте ли видеть, разучился говорить по-русски с ноября прошлого года (для Турбина это — подыгрывание революции, вопрос не только и не столько национальный, сколько политический. — М. Ч.). Был Курницкий, а стал Курницкий... Так вот спрашиваю: как по-украински «кот»? Он отвечает: «Кит». Спрашиваю: «А как кит?» А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется...)

Свозовая пагинация машинописи кончается на этой странице. Перед нами — фрагмент одного из экземпляров той машинописи, которая послужила наборной для журнала «Россия».

При сопоставлении с объемом текста, напечатанного в «России», а также набранного, но не отпечатанного, получается расхождение на несколько десятков страниц — свидетельство сокращения, делавшихся в процессе журнальной публикации.

После этого начинается новая пагинация (хотя текст печатался на той же машинке) — работа над концом романа. Автору она давалась тяжело: Лежнев несколько раз торопил его письмами.

...Когда Собиратель осмыслил до конца, что перед ним скорее всего не известный конец известного романа прославленного писателя, будущее представилось «неприятным, даже чуть жутковатым. Как публиковать, где и какими образом? Беда это означало вторичное в литературный мир, темный и малопонятный. И потом, нельзя же было вот так прийти с улицы в редакцию (какую редакцию?) и бух — не жалеть ли напечатать неопубликованного Булгакова? Настораживала и реакция немногих друзей, которым он «счел возможным рассказать о своей возможности. Двое из них, словно стоворившись, сразу задали вопрос: «Где взяли?». Причем произносилось это таким тоном, каким обычно произносят: «Ваши документы!» Третий же промолчал, а в глаза ясно читалось: «Расказывай, рассказывай... Небось сам и сочинил. Знаем, знаем, про шуточки...»

Делать ничего и справился на Петровский бульвар к своему стародавнему приятелю, бывшему когда-то доблестным рядовым книжником и переродившемся впоследствии в литературоведа. Ничка не менее четверти века обхотком его ведения был Василий Васильевич Розанов. Все эти годы, исповедуя здоровый образ жизни в виде полуголодного существования, он набивал свой стол и заветные полки выписками, всякого рода материалами и книгообразными пособиями собственноручной выделки. Сборник таинственных «Заметки собирателя» в том числе и для Василия Васильевича, началась гонка записки по освоению его творческого наследия с участием деляг-универсалов. Результатом стало появление нескольких книг с искорженными текстами различных статей, перетасованных в различных сочетаниях.

Надо ли говорить, что приятель мой в этой гонке пришел одним из последних. Но и он тоже небезгрешен, впрочем — с кем поведешься, от того и наберешься. Рассказал ему все подробно.

«Так, — сказал после некоторого раздумья Розановед. — Есть такая должность — первый публикатор. Сказал, как отрубил. Большего, несмотря на все свои старания, добиться мне не удалось».

Хочешь, напечатать в «Новом мире», журнале с очень солидной репутацией — и уже было потянулся к телефону.

Я же как услышал про «Новый мир», так, честно говоря, даже испугался. Да это ведь святая святых советской интеллигенции, какие имена, какие глубокие мысли, какой мученический ореол! Когда в молодости в первый раз увидел интеллигенцию с чашечками кофе под бородатым Хемом в свитере крупной вязки да послушал ихние разговоры, тогда же и понял, что никогда не почитаю даже на простого интеллигента».

«Однажды, пройдя Страстной бульвар, «вдурю по левую руку увидел вывеску на незаряжном фасаде — «Новый мир».

Уже не знаю, то ли в голове засели слова Розановеда про «Новый мир», то ли начитался про Фогта с Корovieвны, только ноги сами понесли в сторону вывески.

В здание прошел свободно. На первом этаже сказали, что начальство сидит наверху. Узенький коридорчик, как в коммунальной квартире, несколько небольших беленых дверей без всяких табличек и одна большая, отделанная ценными породами дерева. За дверью оказалась приемная, в которой сидел седоватый брюнет и печатал на машинке.

— Разрешите? — Подождите десять минут в коридоре, — даже не повернув головы. Сразу ясно, что идет творческий процесс и присутствует боязнь потерять нужную мысль. И обиды нету, потому как неизвестно, кто пришел. Приди Лев Толстой, и того попросили бы подождать.

Тархетные машинки стихло, подождо еще минуты две и снова вошел в приемную. Если в первый раз все нужные слова и фразы были готовы, то сейчас получилось что-то вроде: — Извините... скажите... ради Бога за беспокоейство... принять главный редактор... пожалуйста... Михаила Афанасьевича Булгакова?

Едва ли не секундное замешательство — и с облегчением: — Сергей Павлович не может принять Михаила Афанасьевича Булгакова, у него иностранная делегация, — седоватый брюнет ласково смотрел на меня, чуть наклонив голову, совсем как доктор.

— Понимаете ли, если в любой, даже неумиленной шутке есть доля правды, то здесь речь идет о неизвестной рукописи Булгакова, в общем известной, но не целиком... — Да-да, — сказал седоватый брюнет и вроде чего-то еще ждал.

Тут открылась вторая дверь из дерева ценных пород, и в приемную выпорхнула оживленно жестикулирующая и смеющаяся дама. Протрела мимо и исчезла. Значит, иностранная делегация ушла.

— Можете, я могу быть вам полезным? — предложил седоватый брюнет. — Я заместитель главного редактора. Тут я достал из портфеля листки с самодельной запиской, отдал, а сам пошел на лестницу покурить. Вернулся, а записка моя все читалась. И читалась, надо сказать, очень внимательно. Зап. главного закончил чтение, астал, а мне предложил сесть в кресло. Сказано было, что этот материал, я должен это понимать, именно для «Нового мира», где в редколлегии академик Лихачев, также Чудакова, крупнейший специалист по творчеству Булгакова, отделом литературной критики заведует Роднянская. Тут я совсем не к месту сказал, что у Роднянской нелюбовой литературный вкус, а зачем сказал, не пойму... Разговор принял в общем весьма благожелательный тон, даже не верилось. Мне был дан редакционный телефонный номер. Назначена была встреча в редакции, он «имел удовольствие познакомиться с Л. из Библиотеки, который идентифицировал почерк Булгакова, и серьезным, доброжелательным сотрудником редакции Алексеем Викторовичем, принявшим на себя труд по подготовке публикации».

«Окончательные подготовленные материалы следовало сдать в редакцию «Слова» в понедельник 19 августа 1991 года. Перед сном с утра пошел в Библиотеку, дабы уточнить цвет уланского мундира, а любой путь из точки А в точку Б у нашего брата обязательно проходит через бумажнический магазин. Шарю по полкам с книгами, потому чувствую на себе чей-то взгляд. Оказалось, это Розановед за мной наблюдал. — Ты что, не знаешь? — спрашивает. — А чего я должен знать? — Переворот, — говорит Розановед. — Правый переворот произошел. На-...

«Да нет же, какой еще отдел критики... — Так, может, я принесу и отдам вам? — Меня не будет в редакции! — Да я уж как-нибудь постараюсь вас там застать. — Нет, вы меня в редакции не застанете, у меня... скользящий график. Принесите все и отдайте Саше. — Саша — это литсотрудник? — Да нет же. — Тогда Саша — это ответственный секретарь? — Нет же, просто Саша. Отдайте все просто Саше из «Ново-3 мира». — И Собиратель не захотелось сдавать Булгакова «в установленном порядке».

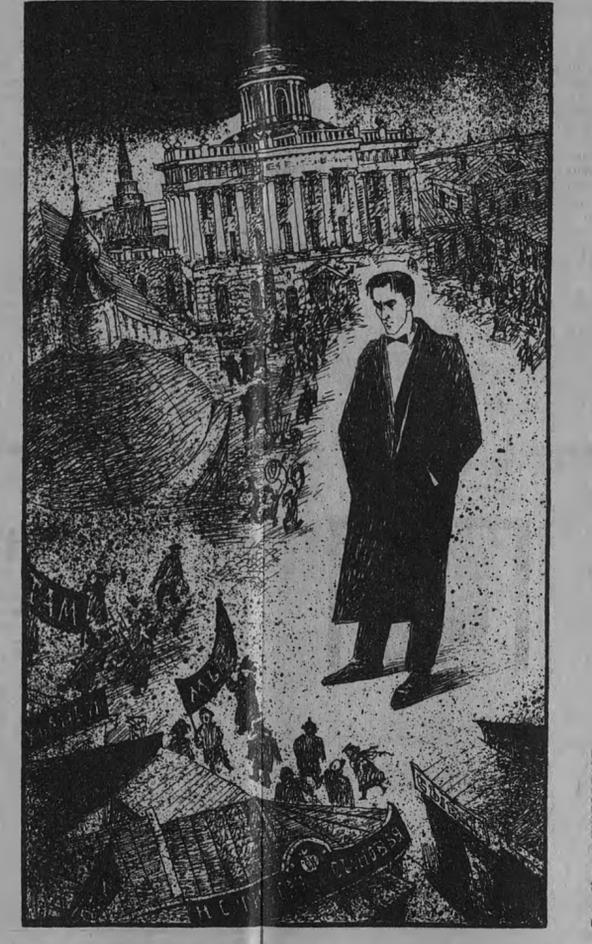

Рис. Ирина Шиповская

* Так в рукописи: негайно (укр.) — сродно.

* В рукописи — «страшная».